

Г 127 —
564

1917 XXV 1942

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

127 564

~~В 08 59~~

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА ВОЛГИНА В.П.
АКАДЕМИКА ТАРЛЕ Е.В.
И ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПАНКРАТОВОЙ А.М.

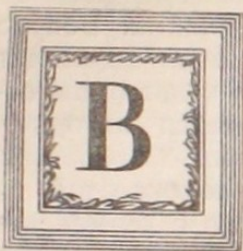
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
МОСКВА 1942 ЛЕНИНГРАД

8-й 410

Акад. Е. В. ТАРЛЕ

НОВАЯ ИСТОРИЯ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

этой краткой заметке мы коснемся главным образом работ, носящих в той или иной мере исследовательский характер, и оставим в стороне обширную популярную литературу по новой истории, сыгравшую свою очень нужную и важную роль в распространении исторических знаний среди широких кругов советской общественности. Эта популярная литература, рассчитанная на более высокую по своему уровню читательскую среду, пополнилась в последние годы учебниками по новой истории, созданными непосредственно для высшей школы, но немедленно раскупленными и разошедшимися по стране во многих десятках тысяч экземпляров. Жажда знания, характерная для советской общественности, особенно интенсивно сказалась в этом постоянно растущем интересе к истории нового и новейшего времени и в том огромном успехе, который имеет историческая литература, посвященная новому времени, в широчайших массах.

Что касается чисто исследовательской работы над западноевропейскими темами по новой истории, то она была, конечно, затруднена малой доступностью для наших историков нужных архивохранилищ и библиотек Западной Европы. В этом отношении в несравненно более выгодном положении находились историки, работавшие над историей народов СССР или, например, над историей средних веков и древности, потому что подавляющая масса источников в интересующих их областях науки издана.

Тем не менее работа исследовательского значения в области новой истории шла и продолжает идти. Привлекается и новый или мало изученный материал, выдвигается пересмотр старых точек зрения, предлагается более углубленный и более критический подход ко многим, давно установленным взглядам, пересматриваемым с точки зрения марксизма-ленинизма.

Отметим здесь (поневоле крайне бегло) некоторые из работ, которые даны советской наукой в отмеченной области.

Большим достижением советской исторической науки является коллективный труд «История дипломатии», первый том которой вышел в 1941 г.¹

¹ «История дипломатии», т. I, под ред. В. П. Потемкина. М. 1941. Авторы I тома: проф. Бахрушин С. В., проф. Ефимов А. В., проф. Косминский Е. А., Нарочницкий А. Л., проф. Сергеев В. С., проф. Сказкин С. Д., акад. Тарле Е. В., проф. Хвостов В. М. Основные авторы II тома, готовящегося к печати, — проф. Минц И. И., проф. Панкратова А. М., акад. Тарле Е. В., проф. Хвостов В. М.

Товарищ Сталин «неустанно учит рабочий класс уменью разбираться в сложнейших международных проблемах», говорится в предисловии к I тому «Истории дипломатии». Для осуществления этой задачи начато издание «Библиотеки внешней политики», состоящей из оригинальных и переводных работ по истории дипломатии и публикаций источников, преимущественно мемуаров крупнейших дипломатов. Одной из первых вышедших книг «Библиотеки внешней политики» и является первый том «Истории дипломатии», охватывающий период от древневосточной дипломатии до Франкфуртского мира 10 мая 1871 г. включительно.

Перед авторским коллективом во главе с доктором исторических наук проф. В. П. Потемкиным стояла трудно разрешимая задача: в двух томах небольшого объема на общем фоне исторического процесса и истории международных отношений надо было дать общий очерк развития дипломатии, ее методов и приемов, охарактеризовать важнейшие дипломатические ситуации и конфликты и виднейших дипломатов. Чтобы сохранить общую историческую перспективу, каждому большому разделу, например «Дипломатия в древние века», «Дипломатия в средние века», «Дипломатия в новое время» (XVI—XVIII вв.), предпосланы введения, характеризующие особенности дипломатии в данный период.

Одним из важнейших достоинств «Истории дипломатии» является показ замечательного мастерства русских дипломатов, начиная от дипломатии Киевской Руси и кончая такими замечательными дипломатами, как А. М. Горчаков и А. Ф. Орлов. «История дипломатии» должна быть отмечена как первая в мировой исторической литературе удачная попытка дать общий очерк истории дипломатии.

Как и в дореволюционной русской историографии, большое внимание уделялось истории Франции, в частности истории Великой буржуазной революции XVIII в. Перед самым началом Великой отечественной войны Институтом истории была завершена подготовка тома «Всемирной истории», посвященного периоду, предшествующему революции 1789—1794 гг. В этой книге дана обстоятельная характеристика промышленной революции в Англии, американской революции, подготовки французской буржуазной революции. Много внимания уделено формированию буржуазной идеологии — французскому и английскому «Просвещению» XVIII в. В составлении книги принимали участие Ф. В. Потемкин, В. Н. Перцев, В. И. Пичета, В. М. Лавровский, М. М. Малкин, В. П. Волгин (отв. редактор), С. Д. Сказкин, Т. И. Райнов и другие.

В 1941 г. Институт истории АН СССР выпустил капитальный труд «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.» под ред. академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле. Этот труд большого авторского коллектива дает всестороннюю разработку проблем французской буржуазной революции и достаточно детальное изложение фактического хода ее событий. Очень полно характеризуется международная обстановка, на фоне которой развивалась революция во Франции на разных ее этапах. Несмотря на многочисленность авторов, удалось достигнуть единства изложения и понимания экономических, социальных и политических процессов во Франции эпохи революции, как и явлений в области культуры, которым уделена особая обширная глава. В книге также дан очерк историографии, знакомящий читателя с основными направлениями и трудами в области изучения французской революции XVIII в. В составлении книги участвовали: М. А. Буковецкая, К. П. Добролюбовский, Т. В. Милицина, Ю. Я. Мошковская, Ф. В. Потемкин, А. И. Молок, О. А. Старосельская, Е. В. Тарле, Ф. А. Хейфец и другие.

В 1936 г. вышла книга акад. Е. В. Тарле «Наполеон», выходявшая затем с дополнениями в новых изданиях. В 1939 г. выпущена его же книга «Талейран». В 1937 г. вышло исследование Е. В. Тарле «Жерминаль и Прериаль», освещающее социально-политическую обстановку во Франции, историю Конвента после 9 термидора и последние массовые выступления рабочих парижских предместий в этот период.

Тому же периоду посвящена работа молодого исследователя В. И. Антюхиной — «Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I», основанная на французских публикациях и русских архивных материалах; она вышла в 1939 г. в «Ученых записках Ленинградского государственного университета».

Там же была опубликована в 1939 г. работа другого молодого исследователя, Г. М. Ратиани, — «Промышленность и внешняя торговля Франции в эпоху консульства и первых двух лет империи». Следует отметить серьезную работу П. Ф. Кумарского «Франко-русские отношения накануне Крымской войны» (1941). Автор подробно исследует историю спора о титуле Наполеона III. Этот спор сыграл роковую роль накануне Крымской войны, охладив отношения между Николаем I и Наполеоном III.

Эти исследования наших молодых ученых свидетельствуют о наличии у нас в области новой западной истории серьезной научной школы и о хорошей подготовке молодых кадров.

В области истории социалистической мысли во Франции давно работает акад. В. П. Волгин. Более ранние работы Волгина по истории социалистических учений были собраны в вышедшей в 1923 г. книге «Очерки по истории социализма». Мы находим здесь статьи о Мелье, о Морелли, об уравнилельных теориях XVIII в. и об идейном наследии Бабефа. Очень удалась автору глава о Морелли, которому вообще в историографии социализма повезло гораздо меньше, чем другим ранним мыслителям.

В книге имеется ряд отдельных замечаний автора, которые заставляют желать, чтобы он вернулся к более обстоятельному монографическому изучению писателей, вошедших в его кругозор в этой работе.

Так, например, прекрасно (и психологически совершенно правильно) указание на причины непопулярности и малой влиятельности такого тонкого и блестящего человека, как Ленгэ. Этот «зашедший в безнадёжный тупик пессимист» не мог стать основателем школы, теоретиком социальной реформы.

Многие замечания о Бабефе и бабувизме проливают на это движение больше света и являются гораздо более ценными и самостоятельными, чем шаблонные формулы и затверженные фразы, которые делают так часто совсем бесполезными мнимо научные компилятивные книжки о жизни и деятельности Бабефа. Интересно ставится у Волгина и очень, в сущности, запутанная проблема о так называемой теории естественного права (точнее было бы сказать во множественном числе: о теориях естественного права) в XVIII в., хотя ставится лишь бегло, мимоходом, в связи с анализом теории Мелье.

Две книги Волгина связаны родственностью сюжета и подходом автора к своей теме. В первой книге — «История социалистических идей» — очень удалась глава о раннем христианстве, о таборитах, о первых утопистах. Эта книга располагает материал по отдельным вопросам, дает ряд небольших монографий. Во второй книге (четвертом, очень дополненном и углубленном издании старой работы 1923 г.) мы находим ряд новых очерков об отдельных представителях социалистической мысли, доклад, прочитанный Волгиным на международ-

ном историческом конгрессе в Варшаве, — «От Бабефа к Марксу» и некоторые другие отсутствовавшие в первых изданиях работы. Работу над историей социалистической и коммунистической мысли Волгин продолжает и во время войны. Им подготовлена к печати книга о развитии социалистических идей в связи со Сталинской конституцией и ряд глав о французских коммунистах и социалистах 1830—40-х годов.

В своей книге «Социальные и политические идеи во Франции 1748—1789 гг.» (М. 1940) Волгин останавливается на анализе теории физиократов, переходит затем к Руссо и руссоизму, к конституционализму Монтескье, останавливается на менее известных мыслителях, вроде Ретифа де-ла-Бретонн, анализирует Кондорсе и Сийеса. Выдерживая в общем последовательно хронологический принцип расположения материала, Волгин дает в своей не очень большой по размерам, но содержательной работе интересный и самостоятельный разбор некоторых наиболее характерных явлений политической литературы второй половины XVIII в. Метод работы у автора вполне рациональный для того, кто хочет дать исследование, а не обзор историографии: он отбрасывает литературу предмета и обращается непосредственно к тексту анализируемых мыслителей. Очень хороши страницы о Руссо и о Ретифе де-ла-Бретонн, но и вообще эта работа удалась автору.

Много и плодотворно поработала над Вольтером и безвременно скончавшаяся в Ленинграде в 1942 г. Н. С. Платонова, деятельная сотрудница большого и ценнейшего издания (в двух томах), выпущенного журналом «Литературное наследство» и посвященного французской истории и культуре. В этих томах вообще не мало совсем свежего материала и исследовательских работ по истории Франции в XVIII—XIX вв.

Исследование И. Л. Попова-Ленского «Антуан Барнав и материалистическое понимание истории» (М. 1924) приводит автора к заключению, что «сочинения Барнава представляют наиболее яркий синтез всего того, что дал рационалистический век для развития исторического материализма».

Сопоставляя «исторический материализм» Барнава с учением Маркса, автор усматривает, конечно, ряд принципиальных различий не только в том, что Маркс — «теоретик революционного пролетариата», а Барнав «консервативно стоит на страже интересов своей касты», но и в том, что Маркс установил закономерную связь между общественным производством, с одной стороны, и историческими проявлениями классовой борьбы — с другой. Барнав не знал ничего этого, как не знал и всей революционной диалектики Маркса. Исследование Попова-Ленского проливает много света на развитие миросозерцания Барнава и является вкладом в советскую историографию о французском XVIII веке.

Небольшая, но очень содержательная, основанная на современных революции брошюрах коллекции Воронцова, книжка О. Л. Вайнштейна «Очерки по истории французской эмиграции в эпоху великой революции» (Харьков 1924) вносит некоторые новые и живые черты в историю контрреволюционной борьбы первых лет после взрыва революции. Автор дает картину расслоения контрреволюционного дворянства, а также и буржуазии.

Вся безнадежная умственная тупость вождей эмиграции, их решительная неспособность даже отдаленно приблизиться к пониманию значения революции, их лютая ненависть к новой Франции, их детская неумелость и в дипломатической и в военной борьбе против революции, которую они предприняли, — все эти общественные факты очень живо,

ярко и на основании свежего материала освещаются в работе Вайнштейна.

Работа П. Щеголева «После термидора» имеет подзаголовок «Очерки по истории термидорианской реакции». Для сравнительно очень небольших размеров книжки тема оказалась слишком уж широкой. Автор без нужды усложнил свою задачу, присоединив сюда историю жерминальского и прериального восстаний, которую он излагает очень бегло и поверхностно, исключительно по давно известным данным и совершенно не зная богатейших архивных сокровищ, прямо к этой теме относящихся. Первая часть работы, трактующая о времени между 9 термидора и 12 жерминаля, оставляет более удовлетворительное впечатление, чем вторая. Любопытно, что здесь и страницы о Бабефе научнее и во всех отношениях самостоятельнее, чем в позднейшей популярной книжке Щеголева о Бабефе.

Самостоятельно, хоть и слишком уж кратко, разработана глава «Конец максимума», но автор ошибается, думая, что максимум в том виде, как он существовал, мог бы продержаться сколько-нибудь реально после 9 термидора, и с некоторыми его замечаниями согласиться никак нельзя. Но во всяком случае тут привлечены и архивные документы — это во-первых (и это дает автору большой и свежий материал, который до него был использован только в моей книге «Рабочий класс во Франции в эпоху революции»), а во-вторых автор тут дал простор свободной работе своей анализирующей мысли.

Удалась автору и небольшая, но очень содержательная и продуманная глава «Социально-экономические вопросы в классовой борьбе». Если бы автор посвятил всю свою книгу (да еще, пожалуй, удвоив ее размеры) только этим двум темам — о конце максимума и о социально-экономических вопросах в осень и зиму 1794—1795 гг., читатель только выиграл бы.

Кроме указанных двух глав удовлетворительно разработана и изложена также история падения монтаньяров и якобинского клуба («Агония Горы»).

По истории армии французской революции следует отметить небольшую, талантливо написанную книжку А. К. Дживелегова «Армия Великой французской революции и ее вожди» (М. 1923) и подготовленную к печати диссертацию М. А. Буковецкой «Армия французской революции 1789—1793 гг.», часть которой напечатана в томе «Всемирной истории» (М. 1941), посвященном французской революции и изданном Академией Наук СССР.

Более позднему периоду истории Франции посвящена докторская диссертация Ф. В. Потемкина. Книга Потемкина «Лионские восстания 1831 и 1834 гг.» является интересно задуманным исследованием, не все части которого одинаково самостоятельны, но которое в общем следует признать добросовестно выполненной и полезной работой.

Книга Потемкина, в соответствии со своей темой, состоит из двух частей и трактует о двух восстаниях: 1831 и 1834 гг.

В моей книге, вышедшей в 1928 г., — «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства» я, на основании почти исключительно неизданного и впервые мной найденного и использованного архивного материала, даю историю стачечной и в иных формах проявлявшейся борьбы рабочего класса в 1814—1831 гг., и Потемкин в первой части своего исследования тематически и хронологически примыкает к моему труду. Но для меня события 1831 г. — лишь заключительный момент исследования, а для него — это половина всей темы.

Написана его книга очень живо и обоснованно, хотя есть, конечно,

неизбежные неточности. Он, например, слишком доверяет показаниям префекта Бувье — Дюмолара.

Вторая часть книги (о Лионских событиях 1834 г.) тоже очень основательно и удачно выполненная работа. Но читателю хотелось бы, чтобы в этой именно части работы автор гораздо более щедро использовал бывший в его распоряжении архивный материал. Ведь лионский 1834 год изучен в общем гораздо хуже, чем 1831-й. Автор прав, указывая на огромное значение апрельских событий 1834 г. не только для внутренней, но и для внешней политики Луи-Филиппа. Нужно только не забывать, что на этот раз Лионское восстание поддерживалось парижским, чего не было в 1831 г., а между тем Потемкин в своих тезисах совсем мало упоминает о Париже (особенно в конце).

К числу достоинств этого труда относится слишком часто у нас отсутствующее в подобных специальных исследованиях подчеркивание значения внутривнутриполитических событий для изменений в международной политике.

Книга П. М. Керженцева «История Парижской Коммуны» (М. 1940) — объемистое научно-популярное, на 550 стр., изложение истории Коммуны. Автор ведет рассказ в хронологической последовательности, ясно, толково, и хотя книга его не блещет ни новизной идей, ни свежестью материала, она является полезным и добросовестно выполненным пособием для ознакомления с этой громадной важности страницей всемирной истории. Керженцев правильно указывает, что «и в советское время работа над историей Парижской Коммуны была в известной степени затруднена вредителями, действовавшими на историческом фронте, и разными учениками Покровского» (стр. 542).

Живые популярные работы о Коммуне написаны Скворцовым-Степановым, Быстрянским (1921), Вайнштейном (1932). Уступая книге Керженцева по размерам, они не уступают ей по содержательности.

В книге Вайнштейна, некоторые установки которой подверглись большой и основательной критике, есть спорные места, иногда сбивчивые формулировки, но в общем эта литература сделала много для ознакомления широких кругов советской общественности с историей Парижской Коммуны. А такие работы, как С. Красильникова «Военные действия Парижской Коммуны» (Воениздат, М. 1935), имеют и самостоятельное научное значение.

Еще в большей мере такое значение работ исследовательского характера имеют некоторые из многочисленных книг проф. Молока, посвященных им истории Парижской Коммуны. Материал, положенный Молоком в основу его работ, гораздо обширнее и разнообразнее, чем тот, который был в распоряжении вышеуказанных авторов. Назовем хотя бы такие работы Молока, как «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г.» (Л. 1924); «Народное просвещение во время Парижской Коммуны 1871 г.» (Птб. 1922); «Парижская Коммуна и крестьянство» (Л. 1925); «Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 г.» (1938); «Парижская Коммуна 1871 г. в документах и материалах» (1925). К этим отдельным изданиям примыкают и журнальные статьи Молока о Коммуне, из которых очень интересна статья о «Военной организации Парижской Коммуны и делегате Росселе» («Историк-марксист», 1928, № 7).

Больше всех работ Молока о Коммуне научное значение по методу и по новизне материалов имеет книга о германской интервенции против Парижской Коммуны 1871 г. Нечего и говорить, что сейчас, когда германский фашизм угрожает буквально существованию и про-

грессу европейского человечества, разработанная Молоком страница истории приобретает особенный интерес. К книге приложен очень содержательный очерк В. С. Алексеева-Попова «Рабочий класс Германии в дни Парижской Коммуны».

История Англии также привлекала к себе внимание советских исследователей, в особенности вышедших из школы Московского университета.

Вышедшее в 1940 г. замечательное исследование В. М. Лавровского «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII и начала XIX в.» (М. 1940) основано на большом, свежем, очень мало затронутом предшественниками автора материале. Проблема огораживания и связанного с этим явлением обезлюдения английской деревни обследуется Лавровским в связи с рядом капитально важных вопросов (вроде вопроса о социально-экономическом расстройстве деревенского населения и т. п.).

К труду Лавровского приложены превосходные, разработанные автором карты парламентского огораживания общинных земель в Англии в интересующий автора период. В эти карты и в условные обозначения на них стоит вдуматься: перед нами вырастает поразительная (и совершенно непрекаемо точная) картина почти полного исчезновения крестьянства в одних приходах и крутого сокращения его численности в других.

Труд Лавровского — выдающееся по своему научному значению произведение советской историографии. Следует пожелать, чтобы книга поскорее вошла в международный научный оборот. В. М. Лавровский вслед за Д. М. Петрушевским может быть назван одним из тех ныне живущих советских историков, заслуги которых перед изучением английской социально-экономической истории совершенно неоспоримы. Следы влияния научных методов и приемов изучения английской истории, идущего в Московском университете от Петрушевского и Савина, сказываются и на работе Лавровского.

Перу Лавровского принадлежит также небольшой (80 стр.) сборник выдержек из источников, относящихся к «Промышленному перевороту в Англии» и приведенных в русском переводе (М. 1925). Другой составленный им же подобный сборник носит название «Английский капитализм во второй половине XIX в.». Оба сборника являются хорошими пособиями для занятий в семинариях университетов.

Следуя этой традиции, установленной, к большой чести русской науки, П. Г. Виноградовым и Д. М. Петрушевским и продолженной их учеником, покойным А. Н. Савиным, С. И. Архангельский дал самостоятельное исследование по социально-экономической истории Англии. Он выбрал период английской республики 1649—1660 гг. и в своей книге «Аграрное законодательство английской революции» (М. 1940), заканчивающей начатое им в 1935 г. исследование аграрного законодательства 1643—1648 гг., автор на основании доступных ему в СССР источников и литературы дает интересную картину некоторых сторон экономической жизни Англии в годы революции XVII в.

Можно пожалеть, правда, что автор пренебрег документацией по двум вопросам, — анализ которых дал бы не мало для его темы (во-первых — всем, что касается фискальной системы, и во-вторых — очень многим, что касается хлебных цен и цен на рабочие руки в сельском хозяйстве: он, например, совершенно игнорирует Сорольда Роджерса, не говоря уже о более новой литературе). Но и то, что дал С. И. Архангельский, очень богато по содержанию и почти во всех частях вполне самостоятельно по обработке. Прекрасно просле-

жена участь коронных земель в годы республики, очень хорош очерк экономического положения Ирландии в середине XVII в., причем автор использовал новейшие статистические данные (столь редкие для XVII в. в Ирландии, да, впрочем, и в самой Англии).

Нужно сказать, что вторая работа Архангельского значительно лучше первой; она обличает и большую зрелость мысли и меньшую робость перед совершенно ненаучными публицистическими экскурсами в область исторической «критики», бывшими некоторое время в ходу.

Вообще и в сфере изучения Англии XVII в. благотворное влияние выступлений товарищей Сталина, Кирова и Жданова сказалось самым живительным образом.

Исследование И. Л. Попова-Ленского «Лильберн и левеллеры» (М. 1928) дает основанную на источниках и на обширном знакомстве с литературой биографию одного из замечательнейших деятелей английской революции Джона Лильберна.

Автор слишком осложнил свою задачу, задумав дать кроме этой биографии еще и нечто вроде характеристики главных сдвигов в истории английского землевладения в эпоху революции XVII в. Но для этого у него не было ни достаточного количества материалов, ни сколько-нибудь полно разработанного плана, и эти страницы ему менее удались. Но основная его задача выполнена им очень хорошо, с большим проникновением в существо рассматриваемых вопросов. Борец за правду, как он ее понимал, готовый к мученичеству во имя торжества своих идей, Лильберн всегда верен себе, и его русский биограф превосходно очертил его отношения с Кромвелем — политиком, честолюбцем, государственным умом первой величины, но человеком, даже и отдаленно не приближавшимся к моральной высоте честного фанатика Лильберна.

Книга Ф. А. Ротштейна «Очерки по истории рабочего движения в Англии» (М. 1925) начинается с чартизма и доводит изложение до начала первой мировой войны. Это научно-популярная работа, имеющая местами исследовательский характер. Особенно ценна первая ее часть, кончающаяся 1854 г. Мы находим тут много интересных выдержек и ссылок на очень мало доступные органы английской прессы первой половины XIX в. Вторую часть этой книги занимает критический анализ теории и практики трэд-юнионов во второй половине XIX и начале XX вв. Книга Ротштейна дает большой и доброкачественный фактический материал.

Книга П. М. Керженцева «Ирландия в борьбе за независимость» (М. 1936, третье изд.) хотя и не является исследованием в точном смысле слова и на всем протяжении своих 244 страниц, но это трудолюбиво и довольно удачно выполненная популяризация, написанная на основании немалого количества английских работ, касающихся истории Ирландии в новое время. Керженцев не вносит ни новых точек зрения, ни нового материала, но он дает сжатый, толковый, марксистски продуманный очерк ирландской истории, который обличает большую начитанность автора.

Не оставлена без внимания советскими исследователями и история Соединенных Штатов Америки.

Очень серьезно задуманное и успешно выполненное исследование по истории «Гражданской войны в США и царской России» дал в 1939 г. молодой профессор М. М. Малкин. Автор привлек обширный печатный и архивный материал (из русских хранилищ) и дал впервые в научной литературе полную картину настроений русской дипломатии и общественного мнения во время великой американской междоус-

бицы. Не довольствуясь удачным выполнением своей непосредственной задачи, Малкин набросал очень рельефно общий фон дипломатической борьбы, которая кипела в течение всей этой долгой войны в Европе. Эти страницы, касающиеся позиции Франции и Англии, может быть слишком уж беглы.

Труд Малкина заслуживал бы перевода на английский язык. Он даст американским историкам не мало новых и интересных фактов.

Диссертация чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимова «К истории капитализма в США» (М. 1934) является самостоятельным исследованием в области социально-экономической истории Северной Америки от колониальных времен до XIX в. Автором привлечен обширный материал, и его выводы, подкрепленные сотнями очень убедительных ссылок на источники и литературу, подтверждают правильность давнишнего указания И. В. Сталина о необходимости избегать преувеличения значения специфических черт американского капитализма и о долге историка не забывать об основных чертах американского капитализма, присущих всему мировому капитализму («О правых фракционерах в американской компартии», стр. 4, М. 1930). Очень удались Ефимову страницы, посвященные анализу значения рабского труда, а также анализу классовой сущности политических партий в Америке в первой половине XIX в. Очень ценным приложением к работе является критический разбор основных течений в американской историографии по интересующему автора вопросу.

Книга Э. Гурвич «Послевоенная Америка» (М. 1937), основанная на обширном статистическом материале, является попыткой характеристики экономического положения разных классов и классовых прослоек США после окончания первой мировой войны. Не со всеми приговорами можно согласиться, но в общем книга является бесспорным вкладом в скудную у нас литературу вопроса.

Вторая часть книги не относится в точности к теме моего краткого очерка, так как трактует уже не об истории, но о текущем моменте. Эта часть, к слову будь сказано, полна очень большого интереса и основана на обширном сыром материале.

По новой и новейшей истории стран Средней Европы советская наука тоже не осталась бесплодной, и мы можем назвать работы, бесспорно самостоятельные по своему подходу к источникам и часто привлекающие новый материал.

В выпущенном Институтом истории сборнике, посвященном памяти безвременно скончавшегося А. Н. Савина (М. 1926), находим два очень интересных архивных исследования, найденных в бумагах Савина: «Свадьба цесаревича Александра Николаевича» и «Николай I и цесаревич Александр». Обе статьи дают много нового для характеристики Николая и его сына. Другие статьи этого интереснейшего сборника (Кончаловского, Косминского, Богословского, Сказкина, Бахрушина) относятся к области средневековой, древней и русской истории.

Много новых архивных материалов поднято в докторских диссертациях С. Б. Кана — «Два восстания силезских ткачей» и В. М. Хвостова — «Внешняя политика Бисмарка в 70—80-х гг. XIX в.» Обе эти работы еще не вышли в свет.

Р. Авербух написала исследование о «Царской интервенции в борьбе с венгерской революцией» (М. 1935), в котором на основании русских архивных документов дала некоторые новые дополнительные детали к характеристике русского похода в Венгрию в 1849 г. Исследовательница привлекла к работе и военный, и дипломатический материал. Не мало дали ей донесения барона Бруннова из Лондона.

Работа написана с должной обстоятельностью и вниманием ко всему, что относится к основной теме. Есть некоторые промахи в тех местах, где автор затрагивает лишь косвенно относящиеся к его теме сюжеты. Например, в настоящее время советскому историку незачем особенно сокрушаться по поводу неудач честолюбивых замыслов Пруссии в 1850 г.

Военные действия, история сдачи венгерской армии под Виллагошем описаны очень хорошо. Самостоятельно разработана и глава о «польско-венгерской эмиграции в Турции». Эта глава, основанная в значительной мере на архивном материале, дает несколько новых интересных деталей для характеристики всей много шумевшей истории с требованием со стороны русского и австрийского правительств выдачи укрывшихся в Турции венгерских и польских революционеров.

Вопросы, связанные с возникновением и историей мировой войны, неоднократно рассматривались в нашей популярной литературе, но работ, претендующих на исследовательское значение, вышло сравнительно немного.

Книга Н. П. Полетики «Сараевское убийство» (1930) представляет попытку изобразить возникновение войны 1914 г. как почти исключительный результат интриг и «злодеяний» дипломатии России и Сербии. От своих ошибок Полетика отделяется постепенно. Так, в книге, вышедшей в 1935 г. и озаглавленной «Возникновение мировой войны», он уже несколько отходит от своей первоначальной наивной веры в австро-германские расказы о начале войны. Автор стремится стать на более научный, более правильный путь, он хотел бы совершить свой отход на заранее подготовленные позиции по возможности в стройном порядке и снабжая изложение смягчающими оговорками. В самой последней своей книге (диссертации на степень доктора, защищенной автором в Ленинградском университете в 1940 г.), к сожалению по условиям военного времени еще не напечатанной, Полетика стоит уже на несравненно более четкой, логичной и оправдываемой документами позиции в вопросе о «виновности» в войне 1914 г., чем в своей предшествующей работе.

Достоинством работ Полетики следует признать большую начитанность в документальном материале и в литературе предмета.

Обстоятельный и с большим знанием дела написанный покойным генералом А. Зайончковским двухтомный обзор событий «Мировой войны 1914—1918 гг.» (М. 1938), с приложением нескольких десятков прекрасно исполненных географических и топографических схем, очень богат фактическим содержанием и наводит на целый ряд в высшей степени важных для историка и политика соображений.

Книга Зайончковского вполне научно, спокойно, объективно показывает воочию, что за всю первую мировую войну ни единого раза (т. е. буквально никогда) не случилось так, чтобы западный фронт антигерманской коалиции активизировался с целью разгрузить, облегчить фронт восточный. Мало того: бывало так, что в Германии на точном основании официальных французских заявлений знали, что на такой-то ближайший период времени немецкой армии не грозит с французской стороны ни малейшей опасности. Так было, например, весной 1917 г. после откровенного заявления в таком духе военного министра Пенлеве. Напротив, русское командование шло на величайшие жертвы, предпринимало труднейшие операции, когда это требовалось, чтобы помочь союзникам. Книга Зайончковского — одно из серьезных приобретений советской исторической науки.

Меньшее научное значение имеет другая книга Зайончковского — «Подготовка России к мировой войне в международном отношении».

У автора в распоряжении были только русские документы, и почти все, что делалось в Германии долгие годы перед взрывом мировой войны, ускользнуло от его внимания и анализа. Указания на ошибки и просчеты царской дипломатии, на очень многие не выгодные для России последствия ее политики в годы Антанты во многом справедливы. Но автор мало вдумывается в последовательно-провокационную политику германских империалистов именно в течение последнего десятилетия перед 1914 г.

Книга Е. Болтина и Ю. Вебера «Очерки мировой войны» (М. 1940) дает толковый, последовательный рассказ о военных действиях на всех фронтах войны 1914—1918 гг. Но те немногие вставки, касающиеся дипломатии, какие делают авторы (вроде, например, страниц о начале войны или о Версальском мире), не выдерживают научной критики и без малейшего ущерба для книги могли бы быть из нее изъяты. Работа Болтина и Вебера удачно справилась с трудной задачей ясного изложения сложнейшего, запутанного, дробного материала о военных действиях, происходивших так долго и на таких далеких один от другого театрах войны, что стройный и связный рассказ о них уже сам по себе является трудно разрешимой задачей. Авторы с этой задачей справились вполне.

Много очень важного материала, взятого из военных архивов, мы находим в книге Зайончковского «Подготовка России к империалистической войне» (М. 1926). Ни один историк войны 1914—1918 гг. не может обойтись без подробных данных о состоянии русских железных дорог и без анализа «политики военных транспортов», какие мы находим в этой работе.

В 1927 и 1928 гг. в Москве вышла в двух изданиях моя книга «Европа в эпоху империализма». В настоящее время готовится к печати третье, значительно дополненное издание этой книги.

Отметим две небольшие монографии — А. Л. Сидорова «Влияние империалистической войны на экономику России» и Л. Н. Рубинштейна «Внешняя политика керенщины», напечатанные в 1927 г. Сидоров много работал в Архиве Октябрьской революции и других архивах и привлек также большое количество периодической прессы. В частности, Сидоров интенсивно использовал архивные документы особой канцелярии по кредитной части бывшего министерства иностранных дел. Эта работа освещает ряд моментов, характеризующих состояние финансов и финансовых отношений России с ее союзниками в период первой мировой войны, и представляет большую научную ценность.

Рубинштейн в течение ряда лет изучал по архивным материалам внешнюю политику Временного правительства и дал кроме упомянутой работы еще и докторскую диссертацию, посвященную тому же кругу вопросов. Работы Рубинштейна являются серьезными исследованиями, и к тому же единственными, в которых исчерпывающим образом использован архивный материал.

Из работ, написанных советскими историками в последние годы и еще не опубликованных, отмечу докторскую диссертацию Ф. И. Нотовича «Очерки истории первой мировой войны». Очерки являются результатом многолетнего кропотливого изучения русских и иностранных источников, русской и иностранной прессы, мемуаров, парламентских отчетов и специальной литературы. Историографическая часть очерков была напечатана в сокращенном виде под названием «Фашистская историография о «виновниках» мировой войны» в сборнике

«Против фашистской фальсификации истории» и в виде отдельных статей в «Историки-марксисте» и других журналах.

Институт истории АН СССР перед самой войной закончил подготовку к печати большого коллективного труда «Первая мировая война 1914—1918 гг.», под редакцией проф. В. М. Хвостова, Ф. И. Нотовича и др. В этом труде, объемом в 100 печ. листов, освещен не только ход военных событий, но и даны очерки о дипломатической борьбе, о рабочем движении, об экономике, внутренней жизни и классовой борьбе в различных странах.

Проф. Сказкин дал еще в 1928 г. первый том задуманного им большого исследования на тему «Конец австро-русско-германского союза». До сих пор вышел только первый том, охватывающий годы 1879—1884.

Автор использовал немалый рукописный материал русских архивов. В предисловии он выражает сожаление, что не мог использовать архивы австрийские. Могу удостоверить, что он потерял гораздо меньше, чем думает. Насколько мне известно и по своей личной работе и по рассказам всю жизнь там работавшего покойного профессора Н. П. Митрофанова (автора двух диссертаций о «Реформах Иосифа II» и о «Политике Леопольда»), австрийские архивные фонды, по крайней мере те, которые доступны там ученым, очень скудны дискурсивным материалом именно по дипломатической истории.

Кроме русских рукописных источников Сказкин использовал много печатных фондов и большую мемуарную литературу.

Сказкин дал в высшей степени интересную работу и сообщил не мало свежего материала, которого до него никто не касался. Без его работы не может, в частности, обойтись ни один историк русско-болгарских отношений.

Ряд ценных документов по истории новейшей дипломатии был подготовлен к печати и затем опубликован скромными тружениками прекрасно оборудованных советских архивов. Укажем, например, на «Дипломатию Ватикана» (М. 1931), «Константинополь и проливы» (М. 1927) и др. К сожалению, некоторые из этих ценнейших изданий в годы влияния «школы» Покровского снабжались порой крайне неудовлетворительными в научном отношении введениями, предисловиями и примечаниями. Выступления товарищей Сталина, Кирова и Жданова также и в этой области оказали самое благотворительное влияние. Теперь уже давно советские исследователи избавлены от всех этих ненужных и со всех точек зрения сомнительных комментариев и могут без потери времени приступать к анализу предлагаемого им документального материала.

Самый материал, даваемый советскими архивными и академическими учреждениями, чрезвычайно богат и разнообразен. Наши документы публикуются теперь так, что можно без преувеличения поставить выходящие у нас издания в пример беспристрастного, истинно научного отношения к делу.

В 1939 г. Институт истории АН СССР издал сборник «Против фашистской фальсификации истории» (М. 1939). В сборнике помещены следующие материалы: Ф. И. Нотович, Фашизм и фальсификация исторической науки; Б. Л. Богаевский, Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории; Е. Г. Кагаров, Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучеными; Е. А. Косминский, Средние века в изображении германских расистов; Н. П. Грацианский, Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии; А. И. Неусыхин, Итальянская поли-

тика германской империи X—XIII вв. в современной фашистской историографии; С. Д. Сказкин, Фальсификация крестьянской войны 1525 г. в фашистской историографии; Н. М. Сегаль, Аграрная политика германского фашизма и крестьянство; Т. В. Милицина, Фальсификация истории третьей республики; Е. В. Тарле, Восточное пространство и фашистская геополитика; Ф. И. Нотович, Фашистская историография о виновниках мировой войны; У. А. Шустер и М. В. Джервис, Германофашистские тенденции в современной польской историографии.

Этот сборник посвящен обстоятельному и уничтожающему разоблачению тех курьезных по своей фантастичности и вполне откровенных по наглой шовинистической тенденции домыслов и фантазий, которыми пробавляется сейчас гитлеровская псевдонаука, призванная заполнить в Германии пустое место, оставшееся после искоренения там настоящей исторической науки. В настоящее время сборник перерабатывается для нового издания.

